

А. В. Успенская

ТУРГЕНЕВ И АНТИЧНОСТЬ

В последнее десятилетие можно отметить явно возросший интерес к связям русской классической литературы с античностью. Творчество И. С. Тургенева не является исключением, о чем свидетельствуют фундаментальное исследование Н. Жекулина,¹ последние работы Г. Кнабе, М. Альбрехта и других исследователей.² Тем не менее представляется, что пока нет целостной картины античных рецепций у Тургенева, даже отмеченные исследователями факты в ряде случаев еще нуждаются в дополнительной интерпретации.

Немаловажное значение имеет вопрос об оценке уровня знаний Тургенева в области древних языков — и, соответственно, греческой и латинской литературы. В статье Н. Жекулина высказано предположение, что эти знания были «недостаточны», так как Тургенев брал в университетские годы дополнительные домашние уроки.³ Однако стоит учесть, что уже при поступлении в университет абитуриент должен был продемонстрировать достаточно высокий уровень подготовки: на экзамене, как правило, приходилось переводить Гомера.

¹ Žekulin N. G. «Сейчас видно, что в свое время сильный был латинист!»: Turgenev and the Ancient Classical World // Russian Text (19th century) and Antiquity / Русский текст (19 век) и античность / Ed. K. Kroó, P. Torop. Budapest; Tartu, 2008. P. 169–206.

² Knaabe G. Тургенев, античное наследие и истина либерализма // ВЛ. 2005. № 1. С. 84–110; Albrecht M. von. Turgenev und die Antike. Antike Reminiszenzen als Mittel der Charakterisierungskunst // Literatur als Brücke. Studien zur Rezeptionsgeschichte und Komparatistik. Hildesheim, 2003. S. 163–191; Кузнецов В. А. Горацианский текст Тургенева (К проблеме риторических моделей в реалистической словесной культуре) // Риторическая традиция и русская литература. СПб., 2003. С. 165–181; Аюпов С. М. Архаический подтекст романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // И. С. Тургенев и Ф. И. Тютчев в контексте мировой культуры. Орел, 2003. С. 46–50; Кроо К. Пигмалион Овидия в межтекстовом прочтении повести И. С. Тургенева «Вешние воды» (О поэтической функции визуального изображения) // Studia Russica. 2004. Т. 21. С. 107–122; Жиликова Э. М. Тургенев и Гораций // Вопросы индоевропейского словообразования и классической филологии. Томск, 1997. С. 153–167.

³ Žekulin N. G. «Сейчас видно, что в свое время сильный был латинист!». P. 174.

Университетские занятия по греческому языку (лекции, перевод и комментирование авторов) проводились на латыни. Следует признать, что дополнительное изучение не только Гомера, Софокла и Аристофана, но и латинских авторов, Горация и Тацита, имело целью не подняться до некоего общего уровня, а серьезно углубить знания: Тургенев готовился к профессиональной деятельности филолога. Из воспоминаний «воспитанницы» матери Тургенева — Варвары Житовой мы видим, что домашние уроки греческого (Тургенев с преподавателем читали «Лягушек» Аристофана) проходили на большом эмоциональном подъеме, Тургенев после занятий выбегал, хватал ребенка на руки, бегал с ней по дому, шуточно учил «лягушачьему греческому» — распевать хор из «Лягушек».⁴ Заметим, что увлечение Аристофаном Тургенев сохранил на всю жизнь. Братья Гонкуры упоминали об обеде с участием Тургенева, где тот шумно высказывал свое восхищение Аристофаном — «этим отцом смеха, самой способностью вызывать смех, которую он ставит очень высоко и которым, по его мнению, обладают лишь два-три человека в мире».⁵

Известно, что магистерский экзамен по греческой и римской филологии Тургенев сдавал на латыни. В доказательство «недостаточности» знаний исследователи приводят цитату из самого Тургенева о его берлинской жизни 1838–1841 годов: «...на дому принужден был зубрить латинскую грамматику и греческую, которые знал плохо. И я был не из худших кандидатов».⁶ Но и эту цитату не следует понимать буквально, она свидетельствует скорее о требовательности к себе: грамматикой древних языков даже специалисты-классики занимаются всю жизнь. Блестящий филолог-классик А. И. Доватур наставлял студентов: «Никогда, никогда не говорите, что *знаете* латынь и греческий!».

Не до конца прояснена и роль античных штудий в формировании мировоззрения Тургенева. Его учителями были Х.-Ф. Грефе, позже Федор Карлович Фрайтаг, дома он брал уроки у Христофора Фридриха (Федора Андреевича) Вальтера. Видимо, еще только предстоит оценить значение знакомства с ordinary профессором Санкт-Петербургского университета Христианом Фридрихом — или, как его звали в России, — Федором Богдановичем Грефе (приехал из Лейпцига в 1810 г., умер в 1851 г.). Это был блестящий филолог, комментатор античных текстов. В сорок с небольшим лет стал академиком, изучал санскрит, занимался сравнительной грамматикой древних языков. Прирожденный педагог, он резко выделялся на фоне обычной университетской профессуры. В авторитарном обществе и университетское обучение часто строилось на жестко-иерархическом принципе. Поэт и прекрасный переводчик древнегреческих эпиграмм Владимир Пече-

⁴ Житова В. Н. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961. С. 28.

⁵ Гонкур Эдмон и Жюль де. Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные статьи: В 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 152.

⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 8. См., напр.: Žekulin N. G. «Сейчас видно, что в свое время сильный был латинист!». Р. 175.

рин, также ученик Грефе, поступивший в университет на четыре года раньше, вспоминал в книге «Замогильные записки»: «...никакое самостоятельное развитие не было возможно. В преподавании не было ничего *серьезного*: оно было ужасно поверхностно, мелко, пошло. Студенты заучивали тетрадки профессора, да и сам профессор преподавал по тетрадкам, им же зазубренным во время оно».⁷ Но о Грефе и он, и другие студенты вспоминали, что его лекции были шире, нежели просто изучение греческих авторов. В каком-то смысле это были уроки духовной свободы. Темные места обсуждались коллективно, при комментировании студентам широко предоставлялось право слова, их приучали высказывать собственное мнение, и даже если это мнение было совершенно ошибочным, Грефе деликатно произносил: «*Nos res se speciosum est, tamen...*» («Это само по себе благовидно, однако...»), — и далее следовала убедительная, но корректная критика.⁸ Грефе читал и комментировал со студентами трагедии Софокла «Антигона», «Царь Эдип», «Аякс», речи Демосфена и латинских авторов — Горация, Цицерона.

Любопытно сравнить судьбы этих двух учеников Грефе — Печерина и Тургенева.⁹ Оба до поры до времени серьезно увлечены классикой, мечтают о профессиональной преподавательской работе в университете, много занимаются дополнительно, проходят курс обучения в Германии. Затем — под влиянием суровой российской действительности начинается угасание интереса к чистой классической филологии, сквозь призму античности оба пытаются оценить современность. У Печерина это проявилось в поэме «Торжество смерти», наполненной античными образами — и идеями яростного западничества: «Как сладостно Россию ненавидеть / И жадно ждать ее уничтожения». У Печерина появилось ощущение «духоты», «отсутствия воздуха» и полной невозможности существования в России, что привело его в 1836 году к отъезду за границу. Рискнем предположить, что и у Тургенева, возможно, именно погружение в античный мир укрепило неприятие современной действительности, ненависть к тирании, способствовало формированию западнических устремлений. Важно и то, что оба ученика Грефе, столь сильно увлеченные античностью, в какой-то момент ощущают невозможность жить в России.

Не менее интересной представляется позиция Тургенева в споре о значении классических языков в школьном образовании. В конце 1860-х — начале 1870-х годов, в период введения реформы Толстого

⁷ Печерин В. С. Замогильные записки (*Apologia pro vita mea*) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи (Мемуары современников) / Под ред. И. А. Федосова. М., 1989. С. 166.

⁸ Там же. С. 165–166.

⁹ О Печерине как одном из возможных прототипов главного героя романа Тургенева «Дым» Потугина, имя которого первоначально было Сократ, см.: Генералова Н. П. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 335–338.

и Деянова, писатель много размышлял на эту тему. Как справедливо отметила Н. П. Генералова, он вел споры об этом с А. А. Фетом, что отразилось в фетовской публицистике: «Две статьи о значении древних языков в нашем воспитании», где Фет полемизирует именно с Тургеневым.¹⁰ Либерализм Тургенева, присущее ему чувство справедливости приводили его к выводу: новые законы (об обязательном преподавании латыни и греческого в гимназиях) — несправедливы, подавляя одно направление в пользу другого, нужна «честная игра».

Примечательно то, что, классик по образованию и западник по убеждениям, Тургенев отказывается видеть панацею от российских бед в широком изучении классического наследия, того фундамента культуры, который указывает на бесспорное родство России с Европой. В то же время Фет, критически относившийся к воззрениям западников, особо подчеркивает настоятельную необходимость в получении каждым российским культурным человеком широкого, гуманитарного, *европейского* образования, в основе которого должно лежать изучение античной культуры, — только тогда он приобретет широту взгляда, тот универсализм, который необходим российскому общественному деятелю эпохи реформ. Тургенев же отказывается верить в отдельную благодетельную роль — «*Alleinseligmacherei*» — даже классицизма.

В современной литературе о Тургеневе существует мнение, что наследие античной культуры, при всей его значительности, для Тургенева, как и для других писателей послепушкинской эпохи, уже не ощущалось современным, не имело никакого отношения к настоящей и будущей судьбе России — и обращения его персонажей к античным образам характеризовали их как «отставных». В частности, речь старика Базарова, наполненная античными отсылками, как считает, например, Г. Кнабе, — осмыслена в ироническом ключе.¹¹ Исследователь полагает, что Тургенев солидарен с Евгением Базаровым в мягко-ироническом отношении к отцу: обилие возвышенных античных ассоциаций и имен в речи Василия Базарова — знак того, что это персонаж трогательный, но отживший свое, ненужный, как и его латынь.

Но не стоит упускать из виду, что обилие греко-латинских историко-мифологических образов подчеркивает и усиливает связь образов стариков Базаровых с героями «Старосветских помещиков». Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна оказываются у Гоголя не просто обитателями трогательного поместья, но жителями маленького золотого века, где вечно цветет и плодоносит сад, где не иссякают еда и питье, где есть лекарства от всех болезней. У стариков Базаровых также есть идиллический сад и огород с лекарственными травами. Другая, параллельная смысловая линия возводит старосветских помещиков к Филе-

¹⁰ Генералова Н. П. Об адресате «Двух писем о значении древних языков в нашем воспитании» А. А. Фета // *РЛ*. 2006. № 1. С. 274–276.

¹¹ Кнабе Г. Тургенев, античное наследие и истина либерализма. С. 90.

мону и Бавкиде, персонажам высокого античного мира, за доброту и чистосердечие вознагражденным богами.

Литература нового времени, используя этот античный миф, уже и раньше обостряла заложенный в нем конфликтный потенциал: золотой век посреди всеобщего железного века, идиллия в неидиллическом пространстве неосуществимы, столкновение двух типов бытия может обернуться трагедией. В «Фаусте» Гёте этот конфликт действительно разрешается трагически: кроткие Филемон и Бавкида сожжены со своим домиком, так как они оказываются на пути прогресса, и вина Фауста, объективно не желавшего им зла, неотменима. Одержимый «современными» вопросами, стремящийся разрушить старый мир во имя блага человечества, Базаров причиняет своим «старосветским помещикам» боль, разрушает их мирок. Таким образом, внимательное рассмотрение античных образов позволяет открыть новые смысловые пласты повествования.

Весьма важным, хотя и наименее изученным является вопрос об элементах античной трагедии, присутствующих в романах Тургенева. Если под этим углом зрения проследить внутреннюю динамику романов 1850-х — начала 1860-х годов — от «Рудина» к «Отцам и детям», — становится очевидна их взаимосвязь, позволяющая говорить о некоей целостности. И в этой романной тетралогии обозначен переход от поисков положительного героя-деятеля, необходимого России в эпоху реформ, к изображению «героя» в античном, трагическом смысле. От драматического конфликта личности и окружающей среды (тот тип повествования, который современники писателя называли социальной повестью) Тургенев приходит к универсализации проблематики, приводя к столкновению мир — и человеческое «я», исполненное заповедных, возвышенных, но нереализуемых в пределах человеческой судьбы устремлений.

Трагический герой — Базаров — скроен по рецептам героического мифа. Подобно им он ставит глобальные цели — полное, безоговорочное разрушение старого мира. Он абсолютный нигилист и не признает над собой никаких авторитетов. Исследователи уже отмечали, что нигилизм Базарова носит столь всеобщий, тотальный характер, что тургеневский герой напоминает не столько реального нигилиста начала 1860-х годов, сколько пушкинского или лермонтовского демона.¹²

При создании высокого, трагедийно-героического образа Базарова Тургенев использует систему древних, архетипических мифологем: герой мистическим образом связан с деревьями, при этом он — как особое дерево — противостоит лесу (в беседе с Анной Сергеевной Одинцовой он говорит, что люди для него — это березовый лес, где бесполезно изучать отдельное дерево). Мифологический герой подоб-

¹² См. об этом: *Маркович В. М.* Между эпосом и традицией (О художественной структуре романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо») // Проблемы поэтики русского реализма XIX века. Л., 1984. С. 49–76.

ного плана, разрушив старый мир до основания, сажает мировое древо, создавая мир новый. В этом плане не случайно, что Базаров — медик по образованию — учит Кирсановых сажать деревья (в частности, серебристые ели); во сне перед дуэлью он сражается с Павлом Петровичем, который представляется ему лесом; несмотря на то, что для него «природа — не храм а мастерская», он чуть ли не с нежностью вспоминает знакомую с детства осинку на краю ямы, трагически отождествляя себя с нею.

Влияние античной трагедии на романы Тургенева, в частности — на роман «Дворянское гнездо», было замечено исследователями: действительно, судьба высокого, практически безупречного героя, над которым тяготеет неумолимый рок, родовая вина дворянского сословия, демонстрирует связи с «Царем Эдипом» Софокла. «Отцы и дети» по своему глубинному содержанию — трагедия одинокого, сверхчеловеческого героя. Но есть и еще один семантический уровень прочтения. Тургенев действует подобно Гоголю, опрокидывавшему в зал комедию, — и тогда «Ревизор» становится трагедией уже не героев, а зрителей, которые должны в финале застыть, подобно героям пьесы, ужаснуться самим себе, очиститься и воскреснуть. Так и в романе Тургенева — трагедия героя провоцирует следующий круг идей. Тургенев показывает, как тихое «горацианское» счастье Николая Петровича, выстроенное на материале деревенских писем занявшегося фермерством А. А. Фета, достигнуто. Однако картины идиллической жизни на ферме Кирсановых не отменяют более глубокой, универсальной проблематики. Россия нуждается не в частичном улучшении, не в возвращении к истокам, а во всестороннем обновлении. Ей необходим не просто положительный «герой времени» — герой-деятель, реформатор, но герой в высшем смысле этого слова — и его поиски ведутся на протяжении четырех романов. В четвертом романе такой герой найден, он напоминает одновременно и Гамлета, и Дон-Кихота, и несгибаемых героев античной трагедии. И все же герой, казалось бы способный принести обновление миру, трагически одинок. Подобно античным героям, он дерзает на запредельное и его поединок с миром обречен; в то же время сам он связан с темной, хтонической бездной,¹³ испытывает влияние сил хаоса и жаждет лишь разрушать, но не созидать. И это трагедия не только героя, но и России, и вовлеченными в эту трагическую ситуацию становятся не только персонажи Тургенева, но и его читатели.

¹³ «Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и всё-таки обреченная на погибель <...>» (ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 59. Письмо к К. К. Случевскому от 14 (26) апреля 1862 г.).